Гневный окрик Юйвэнь Тина прогремел над безмолвным алтарем, словно удар грома в ясный день. Эхо еще долго металось под сводами, заставляя у всех присутствующих звенеть в ушах.

— Практикуешь запретные искусства, губишь собратьев, недостоин своего места!

Эти двенадцать слов разили без промаха, вонзаясь, подобно ядовитым иглам, в одинокую белую фигуру на высоком помосте.

В одно мгновение вокруг алтаря воцарилась мертвая тишина. Все были ошеломлены внезапным поворотом событий. Бесчисленные взгляды метались между старейшиной Юйвэнь Тином и главой дворца Юнь Цинцы, выражая крайнее недоумение, ужас и едва скрываемое любопытство. Торжественная и строгая атмосфера бесследно исчезла, уступив место давящему предчувствию беды и панике.

На помосте Юнь Цинцы медленно поднялся. Его белые одежды струились в лунном свете, отливая холодным блеском. Он стоял так же прямо, как и прежде, на его лице не было ни тени гнева или растерянности из-за обвинений. Лишь глаза, скованные льдом, стали еще холоднее и острее, словно лезвия клинков, направленные прямо на Юйвэнь Тина.

— Юйвэнь Тин, — Юнь Цинцы заговорил негромко, но его голос, пропитанный ледяной властью, проник в сознание каждого, — кто дал тебе право лаять здесь?

Никаких оправданий, никаких резких споров — лишь презрение, идущее свысока. Казалось, перед ним не заговорщик, жаждущий власти, а ничтожная букашка, осмелившаяся нарушить его покой.

Это предельное равнодушие окончательно вывело Юйвэнь Тина из себя. Маска почтения спала, обнажая его истинное, омерзительное лицо. Он расхохотался:

— Юнь Цинцы! Смерть стоит у твоего порога, а ты все еще дерзишь! Посмотрите, соратники, вот он — ваш глава, которому вы поклонялись как божеству! Обычный негодяй, практикующий демоническое искусство Пожирания Луны, высасывающий чужую силу ради собственной выгоды!

Стоило прозвучать названию запретного искусства, как толпа внизу пришла в смятение. Это было печально известное, давно забытое в мире боевых искусств зло! Даже на лицах многих учеников и старейшин, прежде верных Юнь Цинцы, отразились сомнения и страх.

Юнь Цинцы слегка прищурился, в его глазах блеснула жажда убийства. Он не стал больше тратить слов — с предателями можно говорить только на языке крови. Он едва шелохнулся, собираясь, как и всегда, сокрушить этого шута одним молниеносным ударом.

Однако в тот самый миг, когда он сосредоточился и его внутренняя энергия должна была

хлынуть потоком… случилось непредвиденное.

Из глубины даньтяня внезапно поднялось невыразимое чувство скованности. Его внутренняя сила, прежде бескрайняя, как море, и послушная, словно собственная рука, вдруг оказалась опутана невидимыми оковами. Она стала вязкой, неповоротливой, словно попала в густую трясину!

В то же время из самых недр тела без всякого предупреждения вспыхнул странный, совершенно неуправляемый жар. Он разгорелся, подобно лесному пожару, мгновенно охватив все члены. Это был не обычный жар — он нес с собой невыносимую истому и чувство пустоты, яростно атакуя бастионы его ледяного разума.

Лицо Юнь Цинцы изменилось, и на его вечно невозмутимой ледяной маске впервые появилась трещина. Он пошатнулся, едва удержавшись на ногах, и судорожно вцепился в подлокотник нефритового трона так, что побелели костяшки пальцев.

— Ты… отравил меня?! — он резко вскинул голову, впиваясь ледяным взглядом в Юйвэнь Тина, а в его голосе проступила едва уловимая одышка.

При его мастерстве и осторожности обычный яд не мог к нему подобраться. Чтобы так легко отравить его, да еще и с таким странным эффектом…

Юйвэнь Тин, видя это, торжествующе расхохотался, в его голосе смешались злорадство и застарелая ненависть:

— Верно! Юнь Цинцы, я потратил немало сил, чтобы подготовить этот день! Яд называется Нити Забвения. Ну как, нравится? Он не убьет тебя, но сковывает твою внутреннюю силу. А что еще лучше — он заставит тебя, эту неприступную ледяную красавицу, познать, что такое сгорать от вожделения! Ха-ха-ха!

Нити Забвения!

Сердце Юнь Цинцы упало. Он был начитан и, конечно, слышал об этом коварном яде. Он не смертелен, но крайне подл: воздействует на тех, чья внутренняя сила велика, временно блокируя её. А самое страшное — это его возбуждающий эффект. Если его не развеять, человек теряет рассудок и совершает постыдные поступки. Рецепт этого яда был давно утерян — кто бы мог подумать, что Юйвэнь Тин достанет его и применит на Празднике Луны!

Какая жестокая стратегия! Не просто захватить власть, а на глазах у всего мира растоптать его репутацию и величие!

Демонический огонь разгорался все сильнее, опаляя меридианы и затуманивая разум. На бледных щеках Юнь Цинцы проступил неестественный румянец, дыхание стало частым, а на

лбу выступили капли пота. Ему требовались колоссальные усилия воли, чтобы подавить поднимающееся желание и нарастающую слабость.

— Предатели! Защитите главу! — внизу наконец опомнились верные Юнь Цинцы ученики и стражники. Они выхватили мечи и закричали.

Но Юйвэнь Тин явно был готов.

— Взять их! — оскалился он, взмахнув рукой.

В тот же миг вокруг алтаря сверкнула сталь! Почти треть тех, кто стоял в строю, внезапно переметнулись на сторону врага, безжалостно обрушивая клинки на бывших соратников. В толпе приглашенных гостей также вспыхнули мощные ауры — это были наемники, которых привел Юйвэнь Тин.

Завязалась яростная схватка. Звон металла, яростные крики и стоны слились в единый гул — священный алтарь в мгновение ока превратился в кровавую бойню. Несколько преданных стражников пробились к помосту, заслоняя собой Юнь Цинцы.

— Глава! Уходите!

Юнь Цинцы понимал: внутренняя сила скована, долго он не продержится. Он собрал остатки истинной энергии и, используя свое непревзойденное мастерство движений, начал прорываться сквозь кольцо врагов. Даже с десятой долей силы его фехтование оставалось смертоносным. Каждый выпад следовал по безупречной траектории, позволяя с минимальными затратами избегать атак и разя врагов наповал.

Его белые одежды порхали, клинок сверкал, словно снег, и даже в этом кровавом хаосе он сохранял пугающую красоту. Однако врагов было слишком много, а яд продолжал разъедать его изнутри. Движения становились все тяжелее.

С противным звуком клинок одного из нападавших полоснул его по рукаву, оставив кровавый след на нефритовой коже руки. Следом последовал удар в спину. Юнь Цинцы успел уклониться, погасив часть силы, но во рту появился сладкий привкус крови. Тонкая струйка алым пятном окрасила белоснежный воротник. Контраст красного и белого был ослепителен.

Он отступал, сканируя поле боя. Видя, как его верные люди один за другим падают в лужи крови, он почувствовал, как в его замерзшем сердце что-то дрогнуло, но еще сильнее в нем разгорелась холодная, расчетливая жажда мести.

Нельзя умереть здесь. И уж тем более нельзя попасть в руки Юйвэнь Тина. Его взгляд упал на заднюю часть алтаря, туда, где за клубами тумана скрывалась бездонная пропасть Запретной земли. Это было проклятое место Дворца Цзиюэ, откуда никто не возвращался, но сейчас это

был его единственный путь к спасению.

— Прикройте меня! — бросил он оставшимся стражникам и, сунув руку за пазуху, вытащил прозрачный нефритовый амулет.

Это был его защитный талисман, в котором он годами хранил крупицы своей внутренней силы. Не колеблясь, он влил в него всю оставшуюся энергию.

— Взорвись!

Раздался звонкий треск, амулет вспыхнул ослепительным светом и разлетелся вдребезги! Ударная волна, смешанная с чистой энергией, рванула от Юнь Цинцы во все стороны.

— Осторожно! Это взрыв внутренней силы!

Нападавшие отшатнулись, закрываясь от летящих осколков и ветра. Весь помост заволокло густой белой пылью, видимость исчезла. Пользуясь этим, Юнь Цинцы из последних сил, словно призрачная дымка, прыгнул в бездну у края алтаря.

В ушах свистел ветер, навалилось чувство невесомости. В последний момент, падая, он увидел искаженное злобой лицо Юйвэнь Тина, который в ярости бросился к краю, пытаясь схватить его, но лишь схватил пустоту.

Тело стремительно летело вниз, окружающий мир превратился в размытые пятна. В глубине пропасти клубился непроглядный туман и царила тьма. Яд Нити Забвения, подстегнутый истощением и тяжелыми ранами, взбесился, словно дикий зверь. Жар и пустота грызли кости, а ледяной холод снаружи создавал невыносимую пытку.

Сознание начало ускользать, поглощаемое огнем и слабостью. Последней мыслью было: ни в коем случае не попасть им в руки…

А затем пришла бесконечная тьма.

http://bllate.org/book/23421/2522607